

**To the question of language representation of the frame "to live on conscience" in
A.P. Chekhov's story "Lawlessness"
Shibaeva N. (Russian Federation)**

**К вопросу языкового представления фрейма «жить по совести» в рассказе
А.П. Чехова «Беззаконие»
Шибеева Н. Б. (Российская Федерация)**

*Шибеева Наталья Борисовна / Shibaeva Natal'ja - ассистент,
кафедра стилистики русского языка и культуры речи,*

Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова, г. Нижний Новгород

Аннотация: в данной статье анализируются особенности поэтики Чехова при воссоздании внутреннего мира персонажа и приемы создания авторской иронии; рассматривается понятие совести и его важности для русского сознания.

Abstract: the article analyzes the features of Chekhov's poetics when recreating the inner world of the character and techniques for creating the author's irony. The article discusses the concept of conscience and its importance for the Russian consciousness.

Ключевые слова: нравственность, совесть, нравственный выбор, русское национальное сознание, поэтика, внутренний мир, ирония.

Keywords: morality, conscience, moral choice, Russian national consciousness, poetics, the inner world, the irony.

*Человеческая совесть побуждает
человека искать лучшего.
А. А. Блок*

Проблема нравственного сознания всегда была центральной в отечественной художественной прозе. Нравственное сознание человека определяется *совестью*, которая характеризует его как личность. К вопросу исследования *совести* и ее роли в формировании личности обращались такие исследователи, как Н. Д. Арутюнова, М. В. Пименова, Е. В. Урысон, которые отмечали исключительную важность данного понятия для русского сознания.

Так, по мнению Е. В. Урысон, *совесть* – это «способность человека оценивать с нравственной точки зрения свои действия, а также мысли и чувства и глубоко переживать, если они не соответствуют нравственным нормам...» [8, с.186]. Ю.Д. Апресян рассматривает *совесть* как «нравственный тормоз, блокирующий реализацию аморальных желаний или побуждений» [1, с.353]. Н. Д. Арутюнова полагает, что *совесть* – «барометр, реагирующий на нарушение со стороны Эго нравственных норм...» [2, с.74].

Таким образом, *совесть* – это внутреннее чувство справедливости, относящееся к духовно-нравственной сфере; это то, что «руководит поступками человека, направляя их в сторону добра» [5, с.113]. Именно *совесть* измеряет наши поступки по некоей шкале «правильно - неправильно» [7, с.162].

Каждый язык заключает в себе глубинные ценностные установки, присущие обществу и детерминированные им. По словам Н. Д. Арутюновой, «русское словоупотребление постоянно приводит *совесть* в контакт с такими компонентами внутреннего человека, как сердце и душа» [2, с.72]. Мнение известного исследователя разделяет и М. В. Пименова, утверждающая, что «*совесть* выражает понятие Логоса. Логос проявляет себя в духовной сфере, с которой соотносятся сердце и душа человека» [7, с.167]. Следовательно, когда речь идет о нравственной оценке человека, *совесть* принимает образ части человеческой души, которая в русской языковой картине мира выполняет функцию «нравственного законодателя, функцию правосудия» [7].

В русском языке лексема *совесть* «обладает достаточно высокой частотностью: 74 употребления на 1 млн. слов. Из них: 5 приходится на газетные и журнальные тексты, 26 – на драматические произведения, 14 – на научную литературу и 29 – на художественную» [2, с.69]. Как отмечает Н. Д. Арутюнова, «стандартная сочетаемость имени *совесть* продиктована следующими аналогиями [2, с.75]:

1. нравственная норма («общество рассудило не по совести и поставило приговор») [9, с.81];
2. контрагент Эго (Другой) («от своей совести нельзя прятаться») [9, с.186];
3. Судья;
4. «судебный исполнитель» («и ее почему-то будет мучить совесть») [9, с.294];
5. «орган» (компонента внутреннего человека) («совесть наша чиста»; «у него болела совесть») [9, с. 98, с.194].

Примеры взяты из произведений великого русского классика А. П. Чехова, в произведениях которого одной из важнейших тем оказывается тема нравственного выбора. Внимание писателя сосредоточено на внутреннем мире обыкновенного, ничем не примечательного человека, на его идейно-нравственном состоянии и внутреннем развитии. В определенный момент человеку приходится решать для себя вопрос о личной нравственной ответственности, о готовности пойти на сделку с *совестью* или поступить по ее велению.

В рассказе «Беззаконие» главный герой оказывается перед выбором. Что он предпочтет – жить с чистой *совестью* или чувствовать ее угрызания всю оставшуюся жизнь? Прислушается ли он к голосу *совести* или поступит вопреки ей?

Перед нами история о том, как коллежскому асессору Мигуеву на крыльцо его дачи подкидывают младенца, или «беззаконие».

Чехов выносит в название рассказа именно это слово, тем самым делая акцент на его смысловой значимости. Отмечено, что «в литературном произведении заглавие вступает в активные отношения с последующим текстом» [3, с.8], определенным образом настраивая читателя на восприятие событий.

Что несет в себе «беззаконие»? Словарная статья дает следующее его определение: «нарушение, отсутствие законности, незаконный поступок» [6, с.40]. В словаре В. И. Даля лексема «беззаконный» толкуется как «отсутствие закона или неисполнение его, небрежение им, в значении закона Божьего, государева, *совести* и житейского» [4, с.63]. Следовательно, «беззаконный» есть бессовестный, то есть тот, кто «не боится позору», кому «не стыдно» [4, с.257].

В самом начале истории мы узнаем о том, что у героя рассказа была связь с горничной, которая грозила подкинуть ему ребенка и рассказать все жене: «... будешь знать, как невинных девушек губить!» Воспоминания об этом Мигуеву были очень неприятны, и он «еще раз с душевным раскаянием упрекнул себя за минутное увлечение» [9, с.309].

Осложнение действия начинается с того, что Мигуев вдруг (что встречается довольно часто в рассказах Чехова), сидя на крыльце своего дома, «толкнулся локтем обо что-то мягкое». Его сразу перекошило от ужаса, «как будто он увидел возле себя змею». Чехов описывает состояние своего героя, акцентируя внимание на его невербальном поведении. Семен Эрастович, увидев ребенка, «в ужасе вскочил», «сжимая кулаки», и «от страха, злобы и стыда он оцепенел...» [9, с.310].

По замечанию Н. Д. Арутюновой, понятие стыда близко понятию *совести*: оба входят «в группу социо-оценочных концептов, регулирующих взаимодействие человека с Другим (другими, социумом)» [2, с.54]. Герою далеко не безразлично, как к нему будут относиться окружающие, если узнают о столь неблагоприятном поступке. Мигуеву не нужна была огласка. Он боялся, что «весь дачный поселок узнает теперь его тайну». В его голове лихорадочно проносятся мысли: «Что теперь делать? Что скажет жена, если узнает? Что скажут сослуживцы?» [9, с.310]. Чехову важно зафиксировать внутреннее состояние персонажа, передать растерянность его мыслей, и для этого он обращается к анафоре и вопросительным предложениям, которые усиливают эмоциональность. Автор использует разные формы психологического изображения героя: внутренний монолог, несобственно-прямую речь, прием умолчания. Перед нами проносятся мысли, возникающие в голове коллежского асессора, а что испытывает герой, какие эмоциональные струны его души затронуты – об этом приходится только догадываться. Чехов не дает точной характеристики героя, что само по себе уже является особенностью его психологизма.

Герой должен незамедлительно принять решение, потому что «ежели кто увидит и поймет, в чем дело», он «погиб» [9, с.310]. Мигуев решает подкинуть младенца в дом к богатому купцу в надежде, что тот сможет воспитать мальчика, как должно. По дороге к дому Мелкина Мигуева охватывают противоречивые чувства. С одной стороны, опираясь на здравый смысл, он понимает, что нужно, пока никто не видит, быстрее избавиться от ребенка, иначе его «смирное имя пронесется по всей России». В этой ситуации Мигуев предстает перед нами как достаточно рассудительный человек, размышляющий о своем «удивительно мерзком» положении. С другой стороны, голос *совести* подсказывает ему, что он поступает «так подло, что подлее и придумать ничего нельзя... Подлецы мы...». Всю дорогу в его голове толпились социальные вопросы, а в груди царапала совесть» [9, с.311], то есть «дух, живущий внутри человека, выполняющий превентивную функцию» [2, с.63], убеждал человека не совершать дурного. По мнению Е. В. Урысон, «*совесть* активно действует независимо от воли субъекта» [8, с.186]. Как отмечает А. Зализняк, «совесть может *грызть, мучить, терзать*» (в нашем случае *царапать*) «и вообще доставлять разные неприятные ощущения постфактум, когда поступок уже совершен» [5, с.113]. Таким образом, с *совестью* связывают представление о чем-то, что функционирует внутри человека. Это что-то не относится к чувствам, достаточно активно, связано с понятием морали, оценивает поступки человека, выступая как «судебный исполнитель».

По мнению многих исследователей чеховского творчества (А. С. Глинка, И. Н. Сухих, А. Б. Есин), решающая роль принадлежит не рациональной, а именно эмоциональной сфере. Чехов стремится передать ведущий эмоциональный тон своего персонажа. Семен Эрастович твердит себе, что этот

ребенок – «человек живой, с душой, с чувствами, как и все...», «не дрянь какая-нибудь», а «сын коллежского асессора, благородной крови» [9, с.311]. Мигуев задается вопросами: «Ну, за что мы несчастного младенца швыряем с крыльца на крыльцо? Разве он виноват, что родился? И что он нам худого сделал?» [9]. Вопросы, которыми он терзается, – свидетельство того, что герой на правильном пути в своем стремлении к добру. Человеческое, душевное еще живо в нем. Он «начинает представлять, как «сидит у себя в зале и читает газету, а возле него трется мальчик с горбатым носом и играет кистями его халата» [9, с.312]. Идеалы семьи, в которой обязательно должны быть дети, ему не чужды. Он уже внутренне готов к покаянию перед женой и представляет себе, что он ей скажет: «Прости! Грешен! Терзай меня, но невинного младенца губить не будем. ... возьмем его к себе на воспитание... И было бы тогда мое дитя при мне... » [9, с.312].

Чехов не случайно через речь персонажа показывает внутреннее развитие своего героя, которое приводит к тому, что «нежное, теплое, грустное» берет верх. Мигуев решает во всем признаться жене. В связи с этим нельзя не отметить того, что исповедь рассматривается как важная форма художественного психологизма и характерная особенность поэтики Чехова. Герой стремится очистить себя духовно, признавшись жене в совершенном грехе. Общественное мнение перестает его интересовать: «Плевать я на все хотел! Возьму его, и пускай люди говорят, что хотят!» [9, с.312]. Божьи законы становятся для него жизненно важными. Он готов воспитывать этого ребенка, несмотря на распространенные в обществе взгляды. Совесть победила. Моральный выбор сделан. Но весь парадокс заключается в том, что подобная жертва оказалась напрасной: ребенок чужой.

Особенность чеховского повествования заключается в том, что достаточно часто в своих произведениях писатель говорит о роли случая в жизни героев, о том, что иногда все устремления бывают напрасными, потому что жизнь обычна, в ней может произойти все, что угодно.

Когда писатель создает юмористический рассказ, он заведомо рассчитывает на определенный комический эффект: «реакция читателя предполагается, она заранее программируется всем текстом произведения...» [3, с. 6]. Читая рассказ, нельзя не заметить чеховской иронии по отношению к своему персонажу. Вот тот несет ребенка «под мышкой, как дрянь какую-нибудь», несет «словно портфель». Вот он называет свое беспутство «музыкой». Вот он кается жене: «Не вели казнить, вели слово вымолвить...». Алогичные сравнения, рифмованные конструкции, которые можно встретить в сказках, суетливость самого героя – все эти средства актуализации авторской иронии мы можем видеть отчетливо. Чехов, как это принято во многих юмористических рассказах, выстраивает финал «по логической схеме низведения к нулю» [3, с.67]: «Приходила сейчас сюда баба, прачка Аксинья. Положила, дура, своего ребенка на крыльцо, на улице, и покуда тут у меня сидела, кто-то взял да и унес ребенка...» [9, с.313]. Для Мигуева все становится ясным: ребенок не его. Налицо функционирование такого приема, как прием обманутого ожидания персонажа, который надеялся на благополучный исход дела – прощение жены, возможность взять ребенка на воспитание. Однако выясняется, что «явление, претендующее быть некоей ценностью, вдруг обнаруживает свою мнимость, ничтожность, становится величиной, неотвратимо превращающейся в смысловую нуль» [3, с.37]. Добрые намерения ни к чему не привели, а сам герой оказался в смешном, нелепом положении. Единственный выход – списать все на шутку. «Ну, ну...- забормотал бледный Мигуев, кривя рот улыбкой. – Я пошутил... Это не мой, а... а прачки Аксиньи. Я... я пошутил... Снеси его дворнику» [9, с.313].

Мы видим, как мастерски Чехов рисует внутреннее состояние своего персонажа через вербальное и невербальное поведение. Автор стремится к яркому описанию своего героя в жизненно важный для него момент, обращая при этом к различным образам восприятия – как зрительному (*бледный, кривя рот улыбкой*), так и слуховому (*забормотал*). Бледность лица, неестественная мимика, прерывистость речи, лексические повторы – все это признаки сильного эмоционального потрясения, произошедшего в душе человека. Но у Чехова душевные переживания героев, их внутренняя борьба с собой, преодоление себя – все тонет в непрерывном потоке бытия.

Вечным остается то, что важно для духовно развитого человека. Это Правда, Справедливость, Добро. А *совесть* как «нравственный цензор человека» [7, с.164] руководит им и дает ключ к пониманию его души.

Литература

1. *Апресян Ю. Д.* Образ человека по данным языка: попытка системного описания // *Апресян Ю. Д. Избранные труды. Т.2. Интегральное описание языка и системная лексикография.* М.: Изд-во «Языки русской культуры», 1995. С. 767.
2. *Арутюнова Н. Д.* О стыде и совести. // *Логический анализ языка: Языки этики.* М.: Языки русской культуры, 2000. С. 448.
3. *Голубков С. А.* Техника смешного в литературном произведении: учебное пособие. Самара: Изд-во «Самарский университет», 2014. С. 188.

4. *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка: в 4-х тт. СПб.: ООО «Диамант», ООО «Золотой век», 1999. С. 688.
5. *Зализняк Анна А.* О семантике щепетильности (обидно, совестно и неудобно на фоне русской языковой картины мира). // Логический анализ языка: Языки этики. М.: Языки русской культуры, 2000. С. 448.
6. *Ожегов С. И., Шведова Н. Ю.* Толковый словарь русского языка. М.: Азбуковник, 1999. С. 944.
7. *Пименова М. В.* Концептуальные правовые метафоры совести в русском и английском языках. Гуманитарный вектор, 2012. № 4 (32). С. 160-167.
8. *Урысон Е. В.* Голос разума и голос совести. // Логический анализ языка: Языки этики. М.: Языки русской культуры, 2000. С. 448.
9. *Чехов А. П.* Собрание сочинений в восьми томах. М.: Правда, 1970.